

После того как Цзи Цинчжоу вернулся в свой небольшой дворик, его сразу же вызвал к себе Яо Чанъань в главный дом.

Изначально он не собирался вмешиваться в дела Цзи Цинчжоу, но теперь, когда тот умудрился насолить Регенту, ему было необходимо проучить юношу. Всё ради того, чтобы маленький господин Цзи не натворил глупостей и в итоге не потянул за собой Ту Даю.

— Я стар, уши мои притупились, а глаза подводят. Многие вещи я вижу смутно, да и спрашивать не хочу, — вздохнув, произнёс Яо Чанъань.

Услышав это, Цзи Цинчжоу первым нарушил молчание:

— Наставник, Князь вызывал меня лишь для того, чтобы расспросить о состоянии моего старшего брата, больше ничего.

Яо Чанъань кивнул и бросил взгляд на дверь, за которой виднелись любопытные глаза Ту Даю. Похоже, тот беспокоился, что Цзи Цинчжоу будут отчитывать, и решил подслушать.

— Если бы у Даю было хотя бы вполтину столько ума, сколько у тебя, мне не пришлось бы так за него переживать, — Яо Чанъань посмотрел на Цзи Цинчжоу и тихо вздохнул. — Цзи Цинчжоу, ты помнишь его доброту?

— Он помнит вашу доброту, — ответил Цзи Цинчжоу. — Он постоянно твердит мне, что именно вы настояли на том, чтобы меня забрали из Яньтина. Я ценю его заботу и принимаю его намерения... Наставник, не беспокойтесь. Если я навлеку на себя беду, то даже ценой собственной жизни не дам ему пострадать.

— Ты с самого начала знал, что это не я хотел тебя забрать? — спросил Яо Чанъань.

— Раньше не был уверен, теперь — знаю точно, — ответил Цзи Цинчжоу.

Евнух Яо внезапно тихо усмехнулся:

— Я не знаю, что вы двое от меня скрываете, и спрашивать не стану. Только запомни: делай всё чисто. Я не хочу, чтобы мой глупый ученик по доброте душевной притащил в дом смертельную угрозу.

— Слушаюсь, — слегка поклонился Цзи Цинчжоу.

Яо Чанъань махнул рукой, отпуская его.

— Угадай что? — Ту Даю, меняя повязки Цзи Цинчжоу, прошептал: — Письменный экзамен для отбора личных слуг Его Величества перенесли на три дня. Теперь отлично: у тебя есть

время подлечить раны, через три дня будешь как огурчик.

Цзи Цинчжоу замер:

— Кто перенес дату?

— Разумеется, Князь, — ответил Ту Даю. — У наставника нет таких полномочий.

Цзи Цинчжоу задумался. Вспоминая встречу с Ли Чжанем, он никак не мог понять, почему во взгляде Регента читалось такое явное отвращение. Он не видел причин для этого, но предчувствие было сильным: словно тот заранее знал, что он задумал недоброе. Иначе к чему была та угроза — беречься самому?

Он даже начал сомневаться: если бы не память о Тайфу Цзи, Ли Чжань, наверное, вышвырнул бы его из дворца не раздумывая. Почему? По поведению мужчины не было похоже, что тот его узнал. Неужели у них были старые счеты?

— О чем задумался? — Ту Даю помахал рукой перед его лицом.

Цзи Цинчжоу очнулся и при тусклом свете свечи посмотрел на Ту Даю. Под густыми темными бровями глаза того смотрели на него без тени хитрости или подозрения.

— Брат Даю, я хочу спросить об одном, — начал Цзи Цинчжоу.

— О чем?

— Мы раньше не были знакомы, ты даже не знал, каков я в деле. Почему ты решил мне помочь?

Ту Даю запнулся. На его смуглом, в общем-то приятном лице промелькнуло неловкое выражение.

— Ты спас мне жизнь на дворцовом банкете, забыл? — ответил Ту Даю.

— Я не об этом, — сказал Цзи Цинчжоу. — Я о том, как меня привезли во дворец. Это не наставник выбрал меня, это ты у него выпросил.

Ту Даю отвел взгляд, явно не желая отвечать.

— Я не пытаюсь вытянуть из тебя правду, просто теперь нас связывает жизнь, спасенная наполовину, и я не хочу тебя подозревать, — мягко сказал Цзи Цинчжоу. — Ты же знаешь...

такие люди, как я, слишком много думают.

— Я задолжал вашему клану Цзи услугу, не знал, как вернуть — считай, что ты дал мне шанс, — глаза Ту Даю слегка покраснели. Спустя долгое время он вздохнул: — К тому же, если бы ты не подсказал мне тогда на банкете, остался бы я в живых? Скорее уж я помог самому себе.

Цзи Цинчжоу кивнул и не стал допытываться. Однако на краткий миг ему показалось, что взгляд Ту Даю был каким-то отрешенным, но это мгновенно исчезло, и он не успел обдумать это всерьез.

На следующий день Ту Даю отправил людей разузнать о судьбе Гао Ляна и выяснил, что того забрали люди из поместья Князя, и он больше не возвращался. Хотя Цзи Цинчжоу не верил, что Гао Лян так легко его предаст, на душе было беспокойно.

Следующие два дня Цзи Цинчжоу провел в своем дворике, залечивая раны. Но вечером накануне экзамена Ту Даю прибежал обратно с перепуганным лицом.

— Беда, — прошептал он, не успев даже отдышаться. — Не знаю, как так вышло, но сегодня вечером по дворцу поползли слухи, будто кто-то видел в Павильоне Фэнсянь евнуха, который предавался блуду!

Цзи Цинчжоу похолодел:

— С кем?

— Я боялся привлечь внимание, поэтому не стал расспрашивать, — ответил Ту Даю. — Услышал и сразу помчался к тебе.

Цзи Цинчжоу заходил по комнате, охваченный тревогой.

— Вспомни, — настаивал Ту Даю, — кто-нибудь мог нас видеть?

— Я не знаю, — ответил Цзи Цинчжоу.

— Как не знаешь? — забеспокоился Ту Даю. — Это такое серьезное дело! Если бы ты сказал раньше, я бы мог всё проверить и устранить угрозу. А теперь, когда слухи разошлись...

Цзи Цинчжоу пытался взять себя в руки. В ту ночь в Павильоне Фэнсянь никого не было. Он оглядывался, уходя, и по дороге избегал патрулей. Единственный человек, который знал об этом... неужели та девушка?

— Что именно говорят в слухах? — спросил он.

— Что евнух в Павильоне Фэнсянь предавался блуду, а остальное — грязные подробности, которые и слушать противно...

Цзи Цинчжоу немного успокоился, заметив одну важную деталь.

— В слухах упоминают того человека? — спросил он.

— Кого? — Ту Даю на секунду задумался, а затем ответил: — Нет. Я слышал от разных евнухов, никто не упоминает Князя... Они все гадают, что это был кто-то из стражников.

Цзи Цинчжоу подумал: если бы это разболтала та девушка, она бы не стала скрывать Регента. Да и по его интуиции, она не была похожа на предательницу. Она так испугалась, что не бросила его, а осталась неподалеку, чтобы убедиться, что он в безопасности. К тому же, она была слишком наивна — она даже не поняла, что произошло между ним и Регентом, как она могла пустить такой слух?

— Цинчжоу, скажи хоть что-нибудь! — не выдержал Ту Даю.

— Не пытайся ничего выяснить и не суйся туда, — приказал Цзи Цинчжоу. — Сделай вид, что ничего не слышал.

— Что это значит? Что ты собираешься делать?

— Это была моя ошибка, я думал, что если обманул Князя, то всё обойдется, — вздохнул Цзи Цинчжоу. — Но я забыл о том, кто стоял за этим. Раз уж они подложили яд в Павильоне Фэнсянь, у них должны быть запасные планы. Их цель — Регент, но если дело примет такой оборот, меня точно втянут.

Ту Даю осознал серьезность ситуации и сглотнул слюну:

— Есть ли способ всё исправить?

Цзи Цинчжоу молчал. События развивались слишком стремительно. Если следовать сюжету оригинальной книги, Регент должен был обнаружить отравление на банкете и казнить десятки людей, у него не было бы возможности оказаться в Павильоне Фэнсянь. Сам факт того, что он предотвратил отравление, запустил цепочку перемен.

— Тот человек, который приказал тебе подсыпать яд — он связан с кланом Цю? — неожиданно спросил Цзи Цинчжоу.

Ту Даю опешил:

— Почему ты спрашиваешь?

— Если я угадал, просто кивни.

Ту Даю глубоко вздохнул и покачал головой.

— Значит, если это не люди клана Цю, то те, кто устроил ловушку в Павильоне Фэнсянь, скорее всего, именно они, — сделал вывод Цзи Цинчжоу.

— Почему? Объясни, — попросил Ту Даю.

— Тот, кто нанимал тебя, жаждал смерти Князя, а те, кто действовал в Павильоне, преследовали другие цели.

Цзи Цинчжоу вспомнил, что Князь упомянул, будто та девушка — младшая сестра дяди императора Цю. Если это были не они, то откуда они могли знать, что девушка пойдет шпионить за Князем? Значит, за этим стояли либо люди клана Цю, либо кто-то очень близкий к девушке.

Но всё это не имело смысла, слухи уже разошлись. Даже если Регента не упоминали, он не оставит это без внимания.

Той же ночью слухи дошли до поместья Регента. Когда Дун Дун доложил обо всем Ли Чжаню, тот сохранял внешнее спокойствие, но от него исходил такой холод, что Дун Дуну стало не по себе.

— В слухах называют имена? — спросил Ли Чжань.

— Нет... только то, что евнух... ну... и всё. Князя не упоминают, — ответил Дун Дун. — Слуги гадают, что это был кто-то из стражи.

Ли Чжань сузил глаза:

— Понятно.

— Князь... прикажете мне... уладить это? — осторожно спросил Дун Дун.

Ли Чжань едва заметно нахмурился, но промолчал.

Слухи о Павильоне Фэнсянь становились всё более нелепыми, превращаясь в пошлые романы. Вскоре дворцовый скандал докатился до большой политики. На следующее утро чиновники начали нападки на Палату евнухов, обвиняя их в распущенности, и намеками критиковали начальника Императорской гвардии, ведь в слухах фигурировал стражник.

— Князь, прошу прощения за дерзость, — выступил один из чиновников. — Его Величество еще мал, а подобные нравы в глубине дворца могут подорвать основы государства. Если позволить Палате евнухов и дальше творить беззаконие, скоро в столице случится катастрофа.

Ли Чжань поднял взгляд на чиновника. Тот невольно втянул голову в плечи. Он не понимал, почему Регент, обычно сдержанный, после возвращения в столицу стал таким суровым. От одного взгляда ему показалось, что он сказал что-то не то.

— Палату евнухов давно пора приструнить!

— Сегодня они предаются блуду со стражей, завтра начнут сговариваться с врагами!

— Павильон Фэнсянь — место для почитания предков, как они смеют осквернять его своим бесстыдством?

— И сколько их там было? Говорят, замешан не один стражник!

Ли Чжань стоял в стороне, его лицо напоминало грозное небо. Дун Дун рядом дрожал, боясь, что Князь сейчас выхватит меч и перерубит всех болтунов.

К счастью, прежде чем Ли Чжань успел открыть рот, вмешался начальник Императорской гвардии Гу Ихэн.

— Вы с такой уверенностью твердите, что в гвардии есть те, кто грешит с евнухами, есть ли доказательства? — взревел он. — Кто тот евнух? Кто тот стражник? Назовите имена, и я лично их схвачу! Если вина моих людей будет доказана, я сам собственноручно отрублю им головы!

Чиновники замолчали. Они сами не знали имен — слухи ходили в десяти разных версиях.

— Расследованием должны заниматься Министерство наказаний и Ведомство тщательных наказаний, незачем вам так горячиться, начальник Гу, — заметил кто-то из толпы.

— Раз вы поливаете грязью мою гвардию, я имею право спрашивать! — Гу Ихэн, будучи человеком прямым и не выносящим интриг, тут же упал на колени перед маленьким императором и Регентом. — Прошу Ваше Величество и Князя восстановить честное имя моей гвардии!

Он с такой силой ударился головой об пол, что разбил лоб до крови. Маленький император Ли Цун, которому было всего пять лет, испугался вида крови и разрыдался.

Гу Ихэн: ...

Ли Чжань: ...

Чиновники: ...

Балаган закончился плачем императора. После окончания аудиенции Ли Цун, всхлипывая, намертво вцепился в Ли Чжаня. Регент не умел успокаивать детей, и его попытки были тщетны.

— Перестань плакать! — Ли Чжань поставил ребенка на ноги и нахмурился. Маленький император замолчал.

— Сегодня при выборе слуг позвольте Его Величеству самому выбрать, — приказал Ли Чжань Дун Дуну.

— А как же письменный экзамен господина Лу? — удивился тот.

— Это просто чтение книг, а не отбор на государственную должность, — раздраженно бросил Ли Чжань. Его пугало, что выберут людей, которые не понравятся императору и даже не смогут его успокоить.

Ли Цун, устав плакать, подошел к Ли Чжаню, который просматривал бумаги. Тот увидел его заплаканные глаза и смягчился, посадив ребенка к себе на колени.

Маленький император посмотрел на бумаги и, нахмурившись, спросил:

— Императорский дядя, а что значит предаваться блуду?

Ли Чжань замер с кисточкой в руке. Его выражение лица стало сложным. Сделав глубокий вдох, он сказал Дун Дуну:

— При выборе слуг ищи того, кто умеет держать язык за зубами.

Маленький император находился в том возрасте, когда дети задают самые нелепые вопросы, и нужно было найти человека, который мог бы отвечать достойно, а не болтать глупости, развращая ребенка.

Дун Дун запомнил требования: чтобы нравился императору, умел держать язык за зубами и красиво говорил.

Слухи в Палате евнухов распространялись быстро. Те, кто еще недавно злорадствовал, не ожидали, что огонь перекинется на них. Если Регент решит реформировать Палату, пострадают все. Евнухи пребывали в ужасе, молясь, чтобы виновник скорее нашелся и понес наказание, не задевая их.

Ту Даю, хотя и не был на службе, знал всё, что творится во дворце. Узнав о ситуации на утренней аудиенции, он понял: дело принимает опасный оборот.

Если правда вскроется, станет ли Регент защищать ненужного ему Цзи Цинчжоу от гнева всего чиновничества? Разумеется, нет. Но пока имен не называют, даже Регент не может быть уверен, что это был именно Цзи Цинчжоу.

— Мы что-нибудь придумаем, — сказал Ту Даю.

Цзи Цинчжоу ответил:

— Я всё обдумал, выхода нет. Мы не знаем, чем располагает тот, кто распускает слухи. Даже Регент не может его достать, куда уж нам, двум простым евнухам.

— Но мы должны хоть что-то сделать?

— Не вмешивайся, — отрезал Цзи Цинчжоу. — После экзамена я пойду к Князю.

— Ты с ума сошел?

— Лучше признаться самому, чем быть опозоренным при всех, — ответил Цзи Цинчжоу.

Ту Даю изменился в лице:

— У меня есть план, не делай глупостей, пока я не скажу.

— Что ты задумал? — спросил Цзи Цинчжоу. — Всё зашло слишком далеко, если ты будешь рисковать ради меня, ты просто погубишь себя.

Ту Даю усмехнулся, потрепал Цзи Цинчжоу по голове и быстро вышел. Цзи Цинчжоу хотел догнать его, но тот скрылся в мгновение ока.

После полудня, когда пришло время письменного экзамена, Цзи Цинчжоу отправился в школу. Ту Даю прибежал в последний момент, выглядя подозрительно уверенным в себе.

Экзамен проводил Лу Тинъи, каждому выдали чистый лист бумаги. Цзи Цинчжоу умел писать, но его почерк был самым обычным, ничем не выделяющимся.

<http://bllate.org/book/21165/2144618>